месту, где должен был принять мученический венец. Когда наступил день, варвары, несмотря на свои огромные потери, из «несытства злого» двинулись к городу. Меркурий в это время, ободренный гласом свыше, исполнился «дерзновения», опять напал на татар, нанес им большое поражение и обратил в бегство. Тут к Меркурию подбежал сын убитого им богатыря и отсек ему голову. Татары, однако, не могли оправиться от ужаса, и Батый с остатками войска бежал «посрамлен». Меркурий же встал с земли, взял свою голову и так, неся ее в руках, пришел в Смоленск, где его встретил ликующий народ, с честью похоронивший мученика в церкви богородицы.

В литературе, посвященной Повести о Меркурии Смоленском, высказывается ряд противоположных взглядов на исторические основы Повести. По мнению С. П. Писарева, Меркурий — реально существовавшее лицо, предводитель смоленской рати, выступившей против Батыя в августе 1242 г. Смольняне напали на беспечно спавших татар, убили их богатыря, и его голову нес потом в город Меркурий. На утро татары, убедившись, что смольнян мало, пустились за ними в погоню и убили Меркурия. Однако города они взять не смогли, и Смоленск остался невредим.[11] Построение С. П. Писарева, однако, чрезвычайно натянуто и продиктовано желанием во что бы то ни стало доказать «достоверность» легенды во всех ее деталях.

Другой крайности придерживается Арсений Кадлубовский, отрицающий за Повестью о Меркурии Смоленском какой бы то ни было исторической основы. Исследуя древнерусские жития святых, А. Кадлубовский обратил внимание на сходство Повести о Меркурии Смоленском с рассказом о подвиге Меркурия Кесарийского в житии Василия Великого. Оба героя — и кесарийский и смоленский — носят одно имя, оба — воины, оба — мученики, оба погибли в молодых летах, каждый защищал свой город от безбожных врагов и насильников (Меркурий Смоленский — от татар, Меркурий Кесарийский — от Юлиана Отступника), оба шли на подвиг по чудесному призыву богородицы, ее участие в этом деле открывается сперва третьему лицу, в обоих случаях чудесные события совершаются ночью и в глубокой тайне и т. д. А. Кадлубовский приходит к выводу, что «за устранением всего заимствованного, у нас не остается ничего, что мы могли бы считать принадлежащим именно русскому святому, в чем могли бы видеть исторический элемент и историческую основу сказания... В результате мы можем считать Меркурия Смоленского скорее героем литературной легенды, чем историческим лицом, достоянием не истории, а истории литературы».[12]

Объявив Повесть о Меркурии Смоленском сплошным «заимствованием», лишенным каких бы то ни было оригинальных черт, А. Кадлубовский вынужден оригинальные сцены Повести, возникшие на почве русской действительности, объяснить позднейшими вставками книжника.[13]

Иначе подходил к вопросу Ф. И. Буслаев, посвятивший Повести о Меркурии Смоленском одно из самых вдохновенных своих исследований.[14] Прежде всего Ф. И. Буслаев устанавливает существование двух редакций Повести, причем более ранняя редакция сохранила много следов своего

---

[11] Филологические записки, 1882, в. V, стр. 45—52.

[12] Арс. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 74.

[13] Там же, стр. 94—95.

[14] Ф. И. Буслаев. Смоленская легенда о святом Меркурии и ростовская о Петре, царевиче Ордынском. — Исторические очерки русской народной словесности и искусства, ч. II. СПб., 1861, стр. 155—198.